

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПРУССКАГО ГЕНЕРАЛА-ОУЪ-ИНФАНТЕРІИ БРАНДТА

0

ПОХОДЪ НАПОЛЕОНА ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 ГОДУ.

V.

Вступленіе въ Москву.—Движеніе черезъ городъ и расположеніе у Барачарова.—Разграбленіе города.—Выступленіе къ Панямъ.—Мысли о пожарѣ Москвы и о положеніи арміи.—Движеніе къ Бронницамъ.—Пріездъ въ Москву съ донесеніями.—Взглядъ осмотръ Кремля.—Возвращеніе.—Дѣло при Черняцкѣ.

14-го (2-го) сентября, около часа по полудни, подошли мы къ заставамъ Москвы. Мы предполагали, что безъ сраженія не обойдется, такъ какъ мѣстность у Сѣтуни вполне благоприятствовала началу боя. Она, казалось намъ при нашемъ движеніи, представляла разнообразныя препятствія и удобныя условія для закрытаго расположенія войскъ. Многочисленныя начатыя укрѣпленія свидѣтельствовали, что и русскіе имѣли такую же мысль. Между Филями и Воробьевомъ, подъ самымъ городомъ, проектирована была, вѣроятно, главная позиція, и здѣсь были заложены верки. Позиція отвѣчала, повидимому, условіямъ обороны тѣмъ, что обими флангами упиралась въ Москву-рѣку, образующую здѣсь большую излучину, и тѣмъ, что не была слишкомъ растянута; но, вѣроятно, близость рѣки, на которой находился только одинъ мостъ, побудила главнокомандующаго русскими войсками отказаться отъ сраженія (*). Мирать съ

(*). Если старецъ-авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, прочиталъ все, что только было писано о войнѣ 1812 года на языкахъ европейскихъ, то ему не могли не быть известны причины, побудившія Кутузова не принять сраженія подъ Москвою; онъ не могъ не знать, что позиція, избранная Бенингеномъ, нимало не обѣщала успѣха въ послѣдней борьбѣ за первопрестольную столицу. Указаніе на вѣстийцевъ, которые пятьдесятъ два раза „рѣшали побѣдоносно судьбу страны

кавалеріей, имѣя въ главѣ одинъ польскій гусарскій и одинъ прусскій уланскій полкъ, уже вступилъ въ городъ, когда мы пришли. Передъ тѣмъ, Милорадовичъ, начальствовавшій артиллеріей, и Себастьяни постановили между собою условіе, въ силу котораго русскіе отступили безъ выстрѣда; вслѣдъ за ними французы двинулись въ Москву. Мы долго стояли у Дорогомиловской заставы; мимо насъ не прекращалось движеніе конницы. Наполеонъ остановился, недалеко отъ города, на пригорѣ, смотрѣлъ некоторое время на столицу въ подзорную трубу, потомъ сошелъ съ коня. Онъ былъ одѣтъ такъ же, какъ и въ день бородинской битвы, но физіономія его не имѣла въ себѣ ничего враждообразнаго, какъ въ тотъ день; колода отъ него находились четыре конныхъ егеря, также спѣшившіеся; ближайшій конвой состоялъ изъ тѣхъ же конныхъ егерей и изъ польскихъ гвардейскихъ улановъ; кругомъ толпились офицеры; одни приходили, другіе уходили—всѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ обнаженными головами.

Съ ровнаго мѣста Москва не представляла особенно величественную картину своей столицей, не имѣетъ здѣсь смысла: хотя бы они и тысячу лѣтъ назадъ два раза отстаивали Константинополь, этотъ примѣръ вовсе неумѣстенъ по той простой причинѣ, что условія окрестностей Москвы и Константинополя нисколько не тождественны. Довольно вспомнить, что правое крыло позиціи, выбранной Беннгсеномъ, примыкало къ изгибу Москвы-рѣки, впереди деревни Филей; центръ находился между селами Волынскимъ и Троицкимъ; лѣвое крыло было на Воробьевыхъ горахъ; артиллерія оставалась у Стунинъ. Съ той стороны, откуда наступалъ непріятель, высоты, гдѣ предполагалось расположить войска, образуютъ отлогіе скаты, въ видѣ уступовъ; къ противоположной же сторонѣ, за центромъ и за лѣвымъ крыломъ позиціи, высоты весьма круты. Кроме того, позиція разрывалась поперекъ оврагамъ, которые воспрепятствовали бы свободному сообщенію между частями арміи; правое крыло было бы разобщено отъ центра рѣчкою Стунью, вливающейся въ Москву-рѣку многочисленными извилинами. Резервовъ нельзя было расположить счастливо за высотами, на крутыхъ склонахъ, омываемыхъ Москвою, а за рѣкой раскидывалась на огромномъ протяженіи столица. Боевыя линіи и резервы могли бы быть расположены только на уступахъ къ сторонѣ непріятеля, что, по крайней ограниченности глубины позиціи, подвергло бы всѣ линіи дѣйствию непріятельской артиллеріи. Если бы наша армія была выбита изъ этой позиціи — что могло случиться при численномъ перевѣсѣ противныхъ силъ — то войска наши были бы сброшены съ крутыхъ обрывовъ въ рѣку и опрокинуты въ городъ. Не этого ли желалъ смотръ во славу Наполеона?... Недобросовѣстно также утверждать, будто «русскіе не имѣли мужества еще разъ сразиться за обладаніе „святою Москвою“: подобная злобная выходка могла бы быть въ лицу хвастливому французскому писателю, а не такому серьезному историку, какимъ былъ прусскій Брандтъ. Русскіе легли бы костями за Москву-Благодатную, дакъ они легли за нее и на поляхъ бородинскихъ, и все-таки не спасли бы первопрестольный городъ. Брандтъ, многоиспытанный генералъ, не могъ не знать, что паденіе Смоленска должно было повлечь за собою и оставленіе Москвы. Зачѣмъ же морочить небывшими о трюфистахъ русскихъ?»

наго вида, но по мѣрѣ приближенія къ возвышенности, съ которой смотрѣлъ императоръ, картина измѣнялась будто по мановенію волшебнаго жезла. Городъ, имѣвшій отъ восьми до десяти часовъ въ округности, съ полутысячью церквей самой своеобразной архитектуры, съ безчисленными разноцвѣтными, синими, желтыми, зелеными и красными колокольнями, между которыми выдѣлялись позолоченные куполы и какъ будто выплывали изъ моря домовъ — вся эта картина не могла не поразить зрителей. Въ ней было что-то восточное, что-то изъ «Тысячи и одной ночи». Москва-рѣка, извивавшаяся серебряною лентою, сады и высокія группы деревъ, окружавшія барскіе дома, дополняли собою невиданное зрѣлище... Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ показалось, что окружавшіе Наполеона не любовались великолѣпною панорамою. Взоры ихъ были устремлены на подгородную слободу, вовсе непривлекательную. Полагаю, и всѣ думали такъ же, что императоръ ждалъ депутаціи, почтительной встрѣчи. Никто не являлся (*). «Можетъ ждать сколько угодно, но русскій уйдетъ скорѣе въ Сибирь, чѣмъ заключить миръ», сказалъ капитанъ Лихновскій, человекъ серьезный, постоянно раздражительный, но отличный офицеръ. Много лѣтъ спустя читалъ я, что Нарбоннъ сказалъ тѣ же слова въ Дрезденѣ Прадту, приписывая ихъ императору Александру (**). Лишь только мы вошли въ заставу, поль-

(*) Почему же авторъ умалчиваетъ о томъ, что Наполеонъ посылалъ въ Москву государственнаго секретаря графа Дарю, что бы привести оттуда депутацію? „*Aller et venez moi les Bourgeois*“ (приведите ко мнѣ бояры!) сказалъ онъ Дарю въ раздраженіи.... Брандтъ, вѣроятно, зналъ также, что и прежде графа Дарю были посылаемы въ городъ офицеры, большею частію поляки, развѣдать, по какой причинѣ не являютъ московскія власти съ покорностію и съ ключами Москвы.... Въ № 9-мъ „Русскаго Архива“ въ статьѣ „Разсказы и воспоминанія московскихъ французовъ о 1812 годѣ“, современникъ-французъ повѣствуетъ, что Наполеонъ, оставшись у Дорогомилловской заставы, ждалъ прибытія депутаціи съ двенадцати до двухъ часовъ, и какъ никто не являлся, то рѣшено было послать одного польскаго генерала насильно привести депутатовъ. Польскій генералъ, встрѣтившись въ Москвѣ съ адміраломъ Вилерсомъ, и тотъ водалъ его въ губернскаго правленіе, въ думу, въ полицію, въ канцелярію генералъ-губернатора, вездѣ, гдѣ только была малѣйшая надежда отыскать хоть какихъ-нибудь чиновниковъ. Не найдя никого изъ нихъ, полякъ привелъ съ собою къ Наполеону съ десатомъ французовъ, губернаторовъ, торговцевъ и разнаго рода промышленниковъ. Эта-та адмальная депутація и объявила, что Москва оставлена не только всеми властями, но и всеми жителями. Въ самой Дорогомилловской слободѣ, гдѣ Наполеонъ, со свитою, занялъ обывательскіе дома, остались только четыре дворянина.

(**) Неужели авторъ не знаетъ о разговорѣ императора Александра съ полковникомъ Мишо, привезшимъ извѣстіе о вступленіи непріятели въ Москву? — „..... Скорѣе соглашусь питаться хлѣбомъ въ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и моихъ добрыхъ подданныхъ!“ произнесъ императоръ Александръ.

Т.

скій кавалерійскій офицеръ привелъ какого-то господина въ черномъ фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ. Господинъ держалъ шляпу въ рукѣ и казался чрезвычайно смущеннымъ. Это былъ первый москвичъ, мною видѣнный.

Было, думаю, два часа по полудни, когда мы миновали заставу. Первое впечатлѣніе не имѣло въ себѣ ничего отраднаго. Деревянные, покрытые дранью домишки, ставни и двери запертыя, широкія немощеныя улицы и нигдѣ ни единого жителя—вотъ что увидѣли мы. Но когда мы перешли рѣку, сцена переизмѣнилась. Дома были больше и лучше, улицы уже и мощены; но опять нигдѣ ни одного чело-вѣка. Скоро мы принуждены были остановиться; кавалерія, двигавшаяся очень медленно, преградила дорогу. Мы уже довольно долго стояли въ городѣ, когда послышались пушечные выстрѣлы; это не ускорило однако нашего марша: напротивъ, произошла суматоха, потому что мы наткнулись на изломанныя провіантскія телеги. Большаго безпорядка, впрочемъ, не случилось. У одного дома раздался громкій крикъ. Рослый парень, въ праздничномъ синемъ кафтанѣ, порядкомъ подпившій—это былъ второй видѣнный мною москвичъ—вышелъ изъ запертаго дома и хотѣлъ пробраться черезъ улицу въ другой домъ. Не говоря ни слова, онъ раздвинулъ солдатъ, наполнявшихъ улицу. Такъ какъ, передъ вступленіемъ въ городъ, строжайше приказано было людямъ обращаться съ обывателями ласково, то они промолчали; но когда разгулявшійся дѣтина слишкомъ невѣжливо затронулъ офицера, послѣдній выругалъ его и погрозилъ ему шпагою; тогда и солдаты накинулись на москвича. А москвичъ и ухомъ не поведетъ; онъ только сбросилъ съ себя кафтанъ, обнажилъ свою грудь и закричалъ: «Ну, самая холодное жѣлѣзо въ русскую грудь!» Эта выходка озадачила всѣхъ; никто не вымолвилъ ни слова. Мужикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ дальше, отворилъ ворота въ небольшой домикъ и тщательно занеръ ихъ засовомъ, какъ мы могли разслышать явственно.—«Если всѣ русскіе таковы», замѣтилъ одинъ унтеръ-офицеръ саксонской кавалеріи, воваѣ насъ стоявшей, «такъ много предстоитъ намъ работы впереди».

Чѣмъ дальше подвигались мы по городскимъ улицамъ, тѣмъ разнообразнѣе становилось впечатлѣніе. Правда, улицы были узки и кривы, но зданія являлись красивѣе и великолѣпнѣе; нѣкоторые изъ нихъ отличались изяществомъ формъ и блескомъ украшенія: сады, оранжереи, веранды, фонтаны—все было тутъ; нигдѣ не замѣтили мы слѣдовъ разоренія, хотя по улицамъ толпились проходившія войска. Только по близости Кремля, вѣроятно тамъ, гдѣ народъ

оказалъ сопротивленіе, (*) , были разбросаны на мостовой мебель, книги. Нѣкоторые солдаты, знавшіе мою любовь къ книгамъ, выбѣжали изъ строя и принесли мнѣ нѣсколько экземпляровъ безхозяйной собственности, которые и были взяты мною какъ «добрая добыча» (une bonne proie). Кремль, такъ сильно поразившій насъ издали своею обширностію, башнями и церковными куполами, и въблизи не утратилъ своего величія: Мы увидѣли массу разнообразнѣйшихъ строеній и церквей; это былъ городъ въ городѣ, окруженный башнями и валами, омываемый рѣкою. Пройдя мимо Кремля, мы опять потерялись въ лабиринтъ улицъ. Движеніе становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ; цѣлые обозы съ мукою, крупю, мясомъ и водкою, иные съ лошадьми, другіе безъ лошадей, преграждали дорогу; скорѣе это была толкотня, чѣмъ правильный маршъ: на одной сторонѣ улицы стѣснилась кавалерія, на другой пѣхота. Тѣмъ временемъ смерклось. Солдаты брали съ себя все, что имъ было нужно; мы не видали ни одного обывателя и нигдѣ не замѣтили слѣдовъ насилія. Изрѣдка слышались, правда, звуки похожіе на выстрѣлы; но многіе полагали, что это былъ стукъ выбиваемыхъ дверей. «Если бы, въ эту минуту, насъ атаковали» — разсуждали между собою офицеры — «то и вообразить себѣ нельзя, что стало бы съ нами, въ громадномъ городѣ, на улицахъ съ выбоинами, при невозможности собраться гдѣ-либо, при наступившей темнотѣ, при раздѣленіи войскъ на сотни частей многочисленными обозами».

Было часовъ восемь по полудни, когда мы дошли до Семеновской заставы, къ Карачарову. Здѣсь мы получили приказаніе расположиться вправо отъ дороги, близъ вѣтряныхъ мельницъ, и принять всѣ военныя предосторожности. Минуло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ мы отыскали себѣ мѣсто и устроились. Впереди насъ горѣли многіе бивуачные огни; можно было ясно различить огни непріятеля и нашей кавалеріи. Мы употребили, слѣдовательно, почти *шесть* часовъ, чтобы пройти разстояніе отъ заставы до заставы, то есть около *восьми* верстъ. Если бы русскіе атаковали Себастьяни, вообще несчастливаго въ эту войну, прижали бы его къ городу, да открыли бы добрую канонаду и тѣмъ произвели панику, то желалъ бы я знать, какъ бы мы выбрались изъ этой трущобы.

Ночь была довольно свѣтла и прошла благополучно. У заставы стоялъ караулъ; вдоль вала, очень низкаго и удобопроходимаго, па-

(*) Когда Мортъ, съ дивизіей Дюеура, подемелъ къ Кремлю, нѣсколько сотенъ нашихъ отсталыхъ солдатъ и московскихъ жителей встрѣдили оренкузовъ ружейными выстрѣлами. Эта горсть удальцовъ была разсыяна картечью.

трули поддерживали порядокъ. Клапаредъ, нашъ дивизионный генералъ, занявъ квартиру въ монастырь (*), возлѣ самаго вала, въ чертѣ города, и оставилъ при себѣ одного офицера и двадцать гренадеровъ. Всѣ другія войска расположились бивуакомъ. Пятый корпусъ, предводимый Понятовскимъ, вступилъ въ Москву чрезъ Калужскую заставу, съ соблюденіемъ всевозможныхъ мѣръ предосторожности. Одинъ русскій инженерный офицеръ, взятый въ плѣнъ, увѣрялъ, что мы будемъ атакованы въ городѣ. Случайное обстоятельство какъ бы подтвердило его слова. Когда поляки втянулись въ городъ уже довольно далеко, послышался въ сосѣдней улицѣ барабанный бой. Оказалось, что это былъ русскій резервный баталіонъ, прибывшій прямо изъ Калуги и направлявшійся къ Кремлю. Командиръ баталіона, изумленный не меньше поляковъ, сдася съ 400 человекъ. Они были препровождены, подъ конвоемъ, въ Кремль, а отсюда отсланы къ Даву. Ротмистръ графъ Скоржевскій, имѣвшій это порученіе, съ большимъ трудомъ успѣлъ сдать военнопленныхъ, и увѣрялъ, что слышалъ со стороны французскаго маршала такіе ядовитые и злобные отзывы о Наполеонѣ, которыхъ и пересказать не смѣетъ. Въ самомъ городѣ взяли еще одного русскаго генерала (*), спокойно ѣхавшаго въ дрожкахъ.

Когда утромъ встало солнце, въ нашемъ лагерѣ господствовали еще и величайшая тишина, и полный порядокъ; то же было, повидимому, и въ болѣе отдаленномъ кавалерійскомъ лагерѣ. Но часовъ въ восемь пріѣхали въ лагерь польскіе уланъ и рассказали, что Москву грабятъ. Это извѣстіе распространилось съ быстротою молніи. Впрочемъ, такъ какъ всѣ стояли подъ ружьемъ—обычай, соблюдавшійся со времени испанской войны—то порядокъ могъ быть поддерживаемъ безъ труда. Между тѣмъ, въ то же самое время, пришло приказаніе отправить людей въ городъ для приѣма продовольствія. Черезъ часъ они воротились, но, кромѣ вина, рома, чая, сахара, притащили съ собою всякаго рода цѣнныя вещи, и подтвердили, что городъ дѣйствительно разграбляется. Нагруженные добычею кавалеристы, конные и пѣшіе, болѣею частію сильно пьяные, пришли тѣмъ же путемъ и на всѣхъ нарѣчіяхъ, господствовавшихъ въ кавалеріи, приглашали товарищей спѣшить на грабежъ. «Пора—говорили они—отдохнуть и потѣшиться за многія и долгія лишенія». Послѣ этого нечего было и думать о сохраненіи какого-либо порядка; всѣ, кто только не стоялъ подъ ружьемъ или не былъ занятъ по службѣ,

(*). Вѣроятно, въ Спасо-Андроніевомъ, на Яузѣ. При вступленіи непріятеля въ Москву, дивизія Клапареда была направлена къ Яузскому мосту. Т.

бѣжали изъ лагеря, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, на грабежъ. Артельные котлы оставались безъ кашеваровъ и безъ огня; кого посылали за дровами, за водой или за соломой, тотъ не возвращался; беспорядокъ даже въ нашей превосходно-дисциплинированной части дошелъ до того, что нѣкоторые солдаты бѣгали изъ патрулей. Примеръ, поданный кавалеріей, былъ тѣмъ пагубнѣе, что солдаты, обремененные богатою добычею, проходили черезъ лагерь и не переставали подтверждать объ общемъ грабежѣ. Страсть къ хищничеству соединилась у поляковъ съ жаждою мести, съ желаніемъ отплатить за старое. Я видѣлъ одного улана изъ кавалерійскаго лагеря, который гналъ передъ собою плетью русскаго, изнемогавшаго подъ тяжелою пошею. Когда офицеръ сталъ упрекать улана за такое звѣрство, солдатъ возразилъ запальчиво: «Господишь офицеръ! это за Прагу, гдѣ они убили моего отца и мою мать и дочиста разграбили нашу домъ. Еще ни одному русскому не дарилъ я жизни, и, какъ Богъ святъ, и этотъ не воротится въ Москву». (*)

Грабители, какъ я узналъ впоследствии, рассыпались по всемъ кварталамъ города. Церкви, дворцы, общественныя зданія—ничто не было пощажено; даже кладбища не остались неприкосновенными. Солдаты открыто тащили множество серебряныхъ и другихъ драгоценныхъ вещей. Святныя иконы въ серебряныхъ окладахъ, столовая посуда, подсвѣчники, стулья, все было приносимо въ лагерь и скупаемо жадными маркитантами за безцѣнокъ. Ювелирныя вещи продавались въ красивыхъ коробочкахъ и въ лакированныхъ ящичкахъ, иногда обложенныхъ снаружн серебромъ. Дорогія ткани, мѣха, одѣяла служили въ баракахъ подстилкою. Замѣчательно, что, при необычайной дешевизнѣ всѣхъ вообще цѣнныхъ вещей, лошади были очень дороги. Одинъ штабъ-офицеръ купилъ у улана лошадь за пятьдесятъ наполеондоревъ, стоившую на родинѣ половину этой цѣны. Заводскія же лошади были недоступны по своей дороговизнѣ.

Въ съѣстныхъ припасахъ господствовало изобиліе. Мясо, свѣжее

(*) Въ грабежахъ, въ святотатствахъ и во всякаго рода гнуснѣйшихъ неистовствахъ, позикъ, служившіе подъ знаменами Наполеона, играли въ Москвѣ первенствующую роль. Это засвидѣтельствовано несомнѣнными письменными документами, а въ преданіяхъ москвичей память о ихъ злодѣйствахъ живетъ и понынѣ. Солтыкъ, изстуженный неизвестныхъ Россіи, войдя въ Кремлевскій дворецъ и не зная чѣмъ утолить свою неасытную жажду мести къ русскимъ, рвалъ въ неистовствѣ бархаты съ царскаго престола. Онъ самъ хвастается этимъ въ известной книжонкѣ своей „Napoléon en 1812“.— „J'éprouvai un plaisir inexprimable à agglacer du trône un débris qui put rappeler à ma famille le souvenir de notre mémorable expédition“. („Я ощущалъ невыразимое удовольствіе, срывая съ престола доскутокъ, который могъ бы напоминать въ моемъ родѣ о нашемъ достопамятномъ походѣ“).

и соленое, разнообразная копченая рыба, семга, осетры, треска наполняли артельные котлы; вино, ромъ, спиртъ, водка видны были во всѣхъ баракахъ. Вечеромъ, у всѣхъ островъ, солдаты жарили, варили, пьянствовали; когда приближалась ватага новыхъ грабителей, ихъ привѣтствовали громкими криками; награбленное таскали на себѣ, большею частію, русскіе. Иногда приводили раненыхъ обывателей, въ качествѣ плѣнныхъ. Это были, вѣроятно, тѣ несчастные, которые защищали свое имущество, а можетъ быть тоже грабители, отставившіе свою добычу; ихъ признавали бунтовщиками, которые будто бы нападали на нашихъ вооруженною рукою, и, они, обезоруженные послѣ упорной борьбы, доставлялись въ лагерь.

Грабежъ продолжался нѣсколько дней сряду. Желанія большинства были, повидимому, удовлетворены; чего не могли сдѣлать никакая строгость, никакой примѣръ, для возобновленія дисциплины и порядка, то улеглось само собою. Солдаты, дѣйствительно, имѣли теперь все, даже больше, нежели сколько было нужно. Когда, наконецъ, нѣкоторые солдаты стали возвращаться изъ города тяжело ранеными, будто бы въ схваткѣ съ французскими кавалеристами изъ-за награбленнаго, тогда и жажда къ грабежу начала утихать постепенно. Только ненасытно-алчные уходили изъ лагеря или изъ отрядовъ, командированныхъ въ городъ, и продолжали свое преступное ремесло. Но это случалось, большею частію, вечеромъ или ночью, когда они могли ускользнуть незамѣтно. Близость города, низкій валь представляли къ тому всѣ удобства (*).

Монастырь, въ которомъ нашъ дивизионный генералъ имѣлъ свою

(*) По свидѣтельству французовъ, московскихъ жителей (см. выше), дозволеніе грабить давалось послѣдовательно всѣмъ полкамъ арміи, т. е. въ грабежъ соблюдался какъ бы систематическій порядокъ. Первый день грабила старая гвардія; во второй молодая; за нею корпусъ Даву и т. д. Такой порядокъ продолжался *восемь дней*, почти безъ перерыва. Грабили не одни солдаты, но и офицеры; даже генералы, подъ предлогомъ розысковъ, по обязанностямъ службы, заставляли уносить для себя вещи, или переменяли квартиры, что бы заставить въ нихъ новую добычу. Это подтверждаетъ и Шамбръ, въ своей „Histoire de l'expédition en Russie“ (II, 123). Онъ говоритъ: „Tous pillaient, et l'intérêt réunit plus d'une fois dans le même lieu l'habit brodé du général et l'humble habit du soldat.“ („Грабили все: любостыжаніе не равъ соединяло въ одномъ и томъ же мѣстѣ и шитый мундиръ генерала, и скромный мундиръ солдата“). Военныя „великой“ арміи не щадили даже своихъ соотечественниковъ, жителей Москвы: все войска, стоявшія лагеремъ, около города, поочередно приходили обыскивать „les compatriotes“, и обирали ихъ до ниточки. „Безъ ванталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ—вотъ каковы были солдаты арміи, за исключеніемъ гвардейцевъ!“ восклицаетъ французъ, московскій житель.— „Когда они возвращались въ свой лагерь, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, то ихъ можно было узнать равнѣ только по оружію“.

главную квартиру, пострадалъ не слишкомъ много при всеобщемъ грабежѣ; по крайней мѣрѣ наружно не было замѣтно слѣдовъ разоренія. Только столовая и погреба добрыхъ иноковъ были очищены. Малая церковь была обращена въ конюшню, и въ ней поставлены лошади генерала и многихъ офицеровъ изъ лагеря. Такъ исполнилось то, что я читалъ впоследствии въ сказаніяхъ Никиты (греческаго описателя жизни святыхъ, жившаго въ девятомъ вѣкѣ). «И были введены въ храмъ лошади и лошаки» (*).

Что касается лично меня, то я устроился подъ одною изъ вѣтряныхъ мельницъ, находившихся передъ самымъ лагеремъ. Наши полевые караулы образовывали вокругъ лагеря густую цѣпь; по направлению же къ Панкамъ, куда подвинулась наша кавалерія, были посылаемы патрули. Отчетливое исполненіе этой службы строго соблюдалось у насъ еще съ испанской войны, и, могу сказать, обратилась у офицеровъ и у солдатъ во вторую природу. На той вѣтряной мельницѣ, гдѣ я расположился, и гдѣ была полковая канцелярія, т. е. гдѣ помѣстились адъютантъ съ утеръ-офицеромъ, стояли два часовыхъ, изъ которыхъ одинъ наблюдалъ Москву, а другою дорогу въ Паники. Въ случаѣ чего-либо особенно замѣчательнаго, имъ было приказано подавать сигналъ находившемуся внизу караулу, и тогда дежурный офицеръ отправлялся на верхъ, чтобы узнать обстоятельно въ чемъ дѣло и донести о томъ. При такой предосторожности всѣ мы были увѣрены, что насъ не застанутъ врасплохъ.

Въ монастырѣ осталось нѣсколько монаховъ, и въ числѣ ихъ довольно молодой и образованный, очень хорошо говорившій по-польски. Истинно-русскій человекъ по своимъ чувствамъ, коротко знакомый съ отечественною исторіею, онъ однако былъ сильно раздраженъ противъ Кутузова и Ростопчина, приписывая послѣднему всѣ бѣдствія постигшія Москву. Кутузова онъ называлъ дряхлымъ старикомъ, а Ростопчина русскимъ по наружности и Иродомъ въ душѣ. Онъ водилъ меня въ монастырскую бібліотеку, въ которой хранились немногія духовнаго содержанія книги; но, судя по нѣсколькимъ пустымъ полкамъ, тутъ стояли и другаго рода книги. Мой вожатый отозвался впрочемъ, что полки приготовлены для будущаго приращенія бібліотеки. Однажды я засталъ моего инока въ большомъ не-

(*) 2-го сентября, въ третьемъ часу по полуночи, французіе содвинули, разбивъ ворота, ворвались въ Спасо-Андроніевъ монастырь и разграбили его. Это извѣщеніе, несогласное съ показаніемъ Брандта, основано на оециальномъ дознаніи настоятеля монастыря. (См. Русскій Архивъ, № 3-й за 1889 годъ, стр. 1391.) Почти всѣ московскіе монастыри были разграблены и порушены наполеоновскими солдатами.

годованіи: онъ жаловался мнѣ, что монастырскій погребъ разграбленъ и что солдаты наложили при этомъ руку на престарѣлаго іеромонаха. Монахъ говорилъ одушевленно, упоминалъ о доблестномъ мужествѣ русскихъ, преднамѣренно коснулся историческихъ событій и съ жаромъ рассказывалъ о временахъ Дмитрія Донскаго, какъ онъ сломилъ гордыню татаръ, о томъ, какъ священная Москва свергла съ себя въ 1613 году польское иго и до сихъ поръ всегда выходила изъ всякой борьбы еще могущественнѣе. Видя чрезмѣрное одушевленіе инока, я спросилъ его, почему же онъ, будучи такъ храбръ, не пошелъ въ военную службу.

— У насъ, священники, съ крестомъ въ рукѣ, водятъ солдатъ въ бой, отвѣчалъ монахъ; осѣняя ихъ крестомъ, мы подаемъ имъ примѣръ, какъ должно умирать за вѣру, за царя и за отечество....

— Въ такомъ случаѣ, желаю вамъ счастливаго пути, сказалъ я монаху и воротился въ лагерь.

Когда мы вступили въ Москву, она сіяла еще во всемъ своею величіемъ и пышности. Страхъ измѣны и нечаяннаго нападенія, равно и необходимость поддержанія въ войскахъ дисциплины, предохраняли столицу, въ первые часы нашего вступленія, отъ всякаго противъ нея посягательства. Но отсутствіе всѣхъ начальствующихъ лицъ, которыя могли бы позаботиться о солдатахъ, и вызванная этимъ обстоятельствомъ мѣра «de loger les troupes militairement» (размѣстить войска военнымъ постоемъ), послужили поводомъ къ первымъ беспорядкамъ. Такъ какъ многіе дома были заперты, то солдаты стали выбивать ворота и двери; къ этому присоединилось отыскиваніе продовольствія и такимъ путемъ постепенно разрастался тотъ грабежъ, о которомъ я упоминалъ, и который вскорѣ принялъ тѣмъ большіе размѣры, что городъ былъ обширенъ, мѣстности въ немъ были совершенно неизвѣстны, и нигдѣ, за исключеніемъ развѣ окрестностей Кремля, не было войскъ для обузданія неистовствъ. Кромѣ того, въ Москвѣ, какъ бываетъ и во всѣхъ большихъ городахъ, чернь явилась руководительницею (?) и помощницею солдатъ. Прежде всего солдаты бросались на хлѣбные и винные магазины; затѣмъ пакивулись на частную собственность, и такъ, шагъ за шагомъ, но шагомъ штурмовымъ, перешли къ общему грабительству. Распущенная дисциплина во французской арміи, пагубная привычка присвоивать себѣ чужое имущество, принесенная ею изъ войнъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ, и все болѣе и болѣе укоренявшаяся, скоро не оставляла ничего жадать въ этомъ отношеніи. И что бы ни говорили Тьеръ о союзникахъ, но достоверно, что

элые примѣры исходили всегда изъ среды французовъ. Что грабежъ не былъ въ интересахъ Наполеона, это разумѣется само собою: въ грабежѣ погибла наибольшая часть драгоценнѣйшаго запаса, котораго, въ рукахъ хорошей администраціи, стало бы надомго для правительнаго снабженія армии всѣмъ необходимымъ (*).

О пожарѣ Москвы было писано и говорено много; но я думаю, что причины его и понынѣ столько же мало извѣстны, какъ и въ то время. Ограничусь добросовѣстно-точною передачею того, чему самъ былъ свидѣтелемъ. 14-го (2-го) и 15-го (3-го) сентября въ Москвѣ не горѣло, равно и въ ночь съ 16-го (4-го) на 17-е (5-е) сентября. Въ день нашего вступленія не было ни ракетъ, ни какихъ-либо огненныхъ сигналовъ, о которыхъ толкуютъ многіе писатели. День и ночь находился я въ лагерѣ, или въ ближайшей чертѣ его, и ничего подобнаго не видалъ и не слышалъ. 15-го (3-го) числа, около полудня, замѣтили, въ юго-восточномъ направленіи, что-то похожее на взрывъ. Рассказывали потомъ, что въ 5-мъ корпусѣ взлетѣло на воздухѣ нѣсколько пороховыхъ ящиковъ. Въ сумерки такой же случай повторился на калужской дорогѣ. Бѣлый, легко узнаваемый дымъ подобныхъ взрывовъ, равно и одиночное стремленіе вверхъ самаго дыма, не оставляли въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вечеромъ горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но пожары были преобразуемы. 16-го (4-го), въ полдень, показался, почти въ средоточіи города, большой огонь; спустя нѣсколько часовъ, чернѣйшій, густой дымъ, распространившійся надъ значительною частію города, свидѣтельствовалъ объ усиленіи пожара. Порывистый сѣверо-западный вѣтеръ далъ новую пищу огню и стремительно разливалъ его по отдаленнымъ кварталамъ. Какъ и въ Смоленскѣ, только въ гораздо большихъ размѣрахъ, огненные столбы взвивались высоко; вѣтеръ, ежечасно свирѣпѣвшій, далеко уносилъ горящія головни; съ каждою четвертью часа пламя захватывало все большее и большее пространство, и вскорѣ наибольшая часть города превратилась въ необозримое огненное море. Вечеромъ, вся окрестность громадной столицы была освѣщена на такое далекое пространство, что можно было

(*). Брандтъ говоритъ утвердительно, будто разграбленіе Москвы не было въ интересахъ Наполеона. Но не самъ-ли Наполеонъ, послѣ вѣстія Смоленска, объявилъ армии, что вѣдетъ ее въ Москву, что тамъ солдатамъ найдутъ и жилища, и корюшекъ продовольствія, и нѣко удобнѣе жилища? Вступивъ въ Москву, солдаты считали себя, какъ некоторымъ образомъ, въ правѣ добывать грабежъ послуженныя имъ блага, и Наполеонъ очень хорошо понималъ, что грабежъ не прекратится до тѣхъ поръ, пока всѣ части армии не пресытятся хищничествомъ. Огъ былъ поставленъ въ необходимость заложить роковыя арміи, обманувшей или своихъ вѣдомствъ на сподобивши жилища, квартиры и на комодъ войны. Т.

читать рукописное. Офицеры нашей дивизии смотрѣли на разрушительный пожаръ съ вѣтряной мельницы. О происхожденіи его высказывались самая разнообразныя мнѣнія. Одни усматривали въ немъ месть за Прагу; другіе утверждали, что давно предвидѣли это событіе. «Развѣ русскіе, ведя войну, поступали когда-нибудь иначе?» спрашивали они; «развѣ вся исторія ихъ войнъ не переполнена подобнаго рода примѣрами?.. До сихъ поръ они сами жгли всѣ свои города, какъ то дѣлали и предки ихъ снѣмы». Нашъ полковой командиръ, человекъ весьма образованный, большой любитель историческихъ сблизеній, смотрѣвшій долго и безмолвно на ужасную картину, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: «Все это сулитъ намъ недоброе и неспровергнетъ всѣ замыслы императора. Лучше было бы вовсе не приходить сюда».

Прѣхалъ нашъ дивизионный начальникъ Клапаредъ и приказалъ бить генераль-маршъ. Дивизии велѣно было немедленно выступить въ Панжъ. Мнѣ генераль приказалъ остаться въ лагерѣ, собрать грабителей, сформировать обозъ, организовать провинтскій паркъ и присоединиться, по возможности скорѣе, къ дивизіи. Была полночь, прежде чѣмъ я исполнилъ порученіе, потому что обозъ увеличился чрезвычайно, такъ какъ наши тяжело-нагруженные телеги, оставленныя нами въ Дубровнѣ и съ тѣхъ поръ нами невидимыя, пріѣхавъ въ Москву, 15-го (3-го) числа почти всѣ примкнули къ нашей дивизіи. Когда я выступалъ, у меня не доставало лишь малое число людей, ружья которыхъ я велѣлъ сложить на телеги, въ ожиданіи, что остальные явятся не замедлять. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Едржмевскій, еще съ Испаніи известный мнѣ за негодія, дѣйствительно, пришелъ скоро, но мертво-пьяный, и я велѣлъ отсчитать ему добрую долю палокъ, что хотя и было запрещено, однако случалось зачастую. Этотъ самый негодія былъ впоследствии спасителемъ моей жизни.

Я уже отдалился отъ Москвы на порядочное разстояніе, когда получилъ отъ полковаго командира коротенькую записку, въ которой онъ указывалъ мнѣ какое именно направленіе долженъ принять я. Зарево отъ пожара было такъ ясно, что, при свѣтѣ его, я могъ разобрать содержаніе записки. Притомъ и погода наступила тихая, вследствие чего пламя поднималось высоко.

О причинахъ пожара Москвы были выказаны многочисленныя предположенія. Приписывали его Ростопчину, французамъ, степенію разныхъ постороннихъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, воспоминанія о предвѣстномъ способѣ веденія войны, мѣстность, народное негодованіе, невѣжество населенія и другія условія рѣшительно содѣйствовали

тому столько же, сколько и влияние Ростоичина, провозглашаемаго тогда Геростратомъ. Въ то время увѣрили, будто множество поджигателей были сквачены на мѣстѣ преступленія и разстрѣляны. Точно ли они принадлежали къ арестантамъ, выпущеннымъ изъ тюремъ для поджоговъ, были ли то городскіе бродяги и наголяя, рѣшить трудно; но достоверно, что въ городѣ, рядомъ съ грабившими солдатами, видѣли и многихъ русскихъ, которые не уступали имъ въ хищничествѣ, притомъ почти всѣ были пьяны и червѣдо схватывались между собой. Случайно ли возникъ первый пожаръ, или отъ поджога, это, конечно, никогда не можетъ быть разъяснено. Въ одинаковой мѣрѣ возможно, что какой-нибудь обыватель, видя свой домъ разграбленнымъ, поджигалъ его, или это дѣлалъ какой-нибудь злодѣй, какой-нибудь русскій фанатикъ, или что, наконецъ, первый пожаръ произведенъ мародеромъ, грабителемъ, при неосторожномъ обращеніи съ огнемъ; но коль скоро загорѣлся одинъ-ли домъ, или нѣсколько домовъ, мѣстные условія не позволяли и думать о прекращеніи огня. Улицы, въ большей части кварталовъ, были узкія, кривыя, извилистыя; несмотря на рѣки Москву, Нузу и Неглинную, протекающія черезъ городъ, большинство кварталовъ нуждалось въ водѣ. Притомъ всѣ дома, за немногими исключеніями, были деревянные; даже барскія палаты, столь великодушныя по наружности, съ красивыми колонадами, не составляли исключенія. Большую частью, онѣ были оштукатурены гипсомъ или алебастромъ, следовательно слабо могли противодѣйствовать огню, или и вовсе не препятствовали его распространенію. Если же къ этому прибавить полное отсутствіе гасительныхъ снарядовъ, вывезенныхъ, какъ говорили тогда Ростоичинныхъ, сильный вѣтеръ, поднявшійся вмѣстѣ съ пожаромъ и быстро разлившій огонь по всѣмъ кварталамъ, то нѣтъ надобности быть Эдипомъ, чтобы разгадать причины распространенія пожара, первое возникновеніе котораго могло быть случайнымъ. Въ 1547 году Москва была почти вся истреблена неоднократными большими пожарами; въ 1571 году крымскій ханъ выжегъ весь городъ, за исключеніемъ Кремля, послѣ того, какъ харь бросилъ обую столицу на произволъ судьбы, какъ и нынѣ. Да и среди мира, развѣ мы не видѣли подобной же гибели русскихъ городовъ? Мы знаемъ, что Базань, взятая русскими, не имѣла участи Москвы; что въ 1774 году Пугачевъ выжегъ Базань почти до гла. Чтось удивительнаго, если и теперь повторилось то же. Русскіе оставили только свои старыя военныя мнѣнія (*).

(*). Некоторые рассужденія Бранца о причинахъ московскаго пожара довольно

Не касаюсь военных вопросов, которые были связываемы съ сохраненіемъ Москвы. Составители записокъ Наполеона преувеличили важность этого вопроса. Сомнѣваюсь, чтобы можно было ожидать хотя малѣйшаго успѣха отъ тридцати тысячъ вольноотпущенныхъ, о которыхъ упоминають бонапартисты. Религіозное чувство и національное сознание такъ глубоко были вкоренены тогда въ душѣ русскихъ людей, что такими словами, какъ свобода, конституція, врядъ-ли можно было довести ихъ до экзальтаціи. Что же касается вопроса о продовольствіи, то полагаю, что въ Москвѣ и въ окрестностяхъ нашлось бы провіанта для прокормленія арміи зимою; но для этого надлежало сдѣлать совсѣмъ другія приготовленія, которыя, въ настоящую минуту, конечно, уже не могли быть приняты.

Трезвѣчайшо важнымъ, еще не вполне оцѣненнымъ, послѣдствіемъ вступленія въ Москву была деморализація арміи. Огромная награбленная добыча сдѣлала то, что весьма многие солдаты отдѣлялись отъ своихъ частей подъ всяческими предлогами и примыкали къ тѣмъ отрядамъ, которые были посылаемы въ тылъ. Отъ этого еще болѣе увеличился и безъ того громадный обозъ. Для охраненія его нужны были люди, и ихъ брали изъ строя. Провіантскіе чиновники также требовали большое число людей въ свое вѣдомство, и къ нимъ также назначались строевые чины. Жажда грабежа, равнымъ образомъ, не мало разбѣжала ряды. Число такихъ «отлучившихся» (isolés), какъ ихъ называли сначала, простиралось отъ шести до восьми тысячъ; они образовали кадры тѣхъ безоружныхъ, которые скоро возрасли

въ армию и согласны съ показаніями дѣшскихъ историковъ; но и здѣсь онъ не утерпѣлъ, чтобы не бросить грязью въ русскихъ, приравнять ихъ къ скинамъ, сказать, что русскіе всегда были поджигателями своихъ городовъ, следовательно сожгли и Москву. Провансы изъ древней исторіи Россіи не идутъ въ дѣло... Въ 1571 году, при нашествіи крымскаго хана, дѣрь, дѣйствительно, оставилъ Москву; но развѣ императоръ Александръ «бросалъ свою столицу на произволъ судьбы»? Развѣ онъ желалъ ея истребленія? Говорить такъ, значитъ говорить неблагодарно, несправедливо, придумавъ себѣ историческую правду. Не хотѣлось-ли почтенному французу, даверованному подъ ердандусіа адмирала, чтобы русскіе встрѣчали въ Москвѣ незваныхъ гостей такъ не смиренно, такъ же покорно, какъ встрѣчали Наполеона въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ?... Не хотѣлось-ли ему, чтобы наполеоновскія почтенія отказывали въ Москвѣ во всемъ комфортозѣ?... Съ пожарами Москвы Наполеонъ дадугуль пѣвѣннѣе не смѣлъ, враждо ессина, и ли хотѣлъ зѣрнѣть, что Брандтъ именно въ такомъ смыслѣ понималъ міровое значеніе московскаго пожара, но, по ослѣпленной враждѣ ко всему русскому, не дерзнулъ высказать этой непереносимой истинѣ, чтобы не вооружить противъ себя нѣвидимъ-патриотовъ. Москва погибла жертвою вражескаго нашествия, кто бы ни смѣлъ ее, и на ее дымящихся развалинахъ впервые засіялъ лучъ освобожденія Пруссіи и Германіи отъ погнѣбнаго бонапартвскаго арміа.

Т.

въ такой прогрессіи, что вооруженные являлись почти только исключеніемъ.

«Политическія комбинаціи» (combinaisons politiques), такъ долго задержавшія Наполеона въ Москвѣ, довершили остальное, и люди дальновидные уже тогда предрекали невеселую будущность.

Если бы Наполеонъ, стоя на развалинахъ Москвы, провозгласилъ возстановленіе Польши и призвалъ поляковъ къ поголовному вооруженію, если бы онъ осуществилъ всѣ тѣ мѣры, начало которымъ положилъ, въ декабрѣ, въ Варшавѣ; если бы послалъ корпусъ Понятовскаго, форсированными маршами, въ Минскъ для организациіи новыхъ боевыхъ силъ, такъ какъ тамъ были собраны большіе запасы военныхъ принадлежностей, то уже въ ноябрѣ могъ бы найти на Березинѣ отъ 60 до 80,000 человекъ, считая тутъ и войска Брониковскаго и Домбровскаго. Бракусы и легкіе польскіе всадники составили бы противовѣсъ казакамъ, и, подъ ихъ охраною, остатки французской арміи могли бы оправиться тѣмъ скорѣе, что имѣли бы въ своемъ распоряженіи многочисленныя матеріальныя средства. Это парализовало бы дѣйствія Торماسова и Чичагова, поощрило бы Шварценберга къ новымъ предпріятіямъ. Въмѣсто того, Наполеонъ увлекся надеждами на заключеніе мира, тогда какъ бѣглый взглядъ на русскую исторію и дипломатію доказывалъ всякому разсудительному человѣку, что такія надежды были несбыточны (*).

Только къ утру пришелъ я со своею командою и обозомъ. Дивизія наша была расположена совершенно отдѣльно; далеко впереди ея и въ сторону отъ нея видѣлись бивуаки. 17-го (5-го) сентября появился на аванпостахъ парламентаръ (?). Говорили о мирныхъ предложеніяхъ, и многіе готовы были поддаться надеждамъ. Капитанъ Лихновскій, одинъ изъ тѣхъ всегда недовольныхъ, но энергическихъ и честныхъ натуръ, спрошенный мною по этому поводу, отвѣчалъ саркастически: «Неужели вы думаете, что русскіе такіе простаки и откажутся отъ партіи прежде, чѣмъ началась игра... Увидите, что будетъ дальше».... Я долженъ сознаться, что такое мнѣніе показалось мнѣ тогда нѣсколько одностороннимъ; но спустя двѣ недѣли, я долженъ былъ убѣдиться въ правотѣ словъ стараго брюзги-политика.

(*) Если бы... если бы... Мало ли что случилось бы на бѣломъ свѣтѣ, если бы не эта роковая чаша ртчи! До прихода въ Россію, Наполеонъ не вдалъ преградъ своей волѣ: занявъ какую-нибудь столицу, онъ заключалъ миръ съ побѣжденными на условіяхъ, какія ему были удобны, и потому несправедливо упрекать его за надежды на достиженіе того же и по ваятіи имъ Москвы. Да и можно ли было ручаться, чтобы все исполнилось точь въ точь такъ, какъ пишетъ Брандтъ?

Познѣйшія извѣстія съ русской стороны доказали, что дѣло шло вовсе не о мирѣ... 18-го (6-го) мы выступили рано и послѣдовали за неприятелемъ, однако не видали его. Расположившись въ двадцати семи верстахъ отъ Москвы, при Вѣршиѣ и Мишковѣ, мы простояли здѣсь и слѣдующій день, но должны были производить частыя рекогносцировки на нашихъ обоихъ флангахъ. 20-го (8-го) приблизились къ Москвѣ-рѣкѣ, черезъ которую французы навели мостъ, снабженный тетъ-де-пономъ, смѣнили французскій гарнизонъ, потомъ подвинулись по бронницкой дорогѣ верстъ на десять и простояли тутъ весь день. Хорошо обработанная мѣстность доставила намъ въ изобиліи продовольствіе, особенно же овесъ и сѣно. Несмотря на то, что здѣсь проходили значительныя массы войскъ, мы нашли на лугахъ и на поляхъ много скиръ сѣна и соломы. И въ этотъ день являлся на аванпосты русскій парламентаръ (?). Не знаю, вслѣдствіе-ли того наступилъ перерывъ въ нашихъ движеніяхъ, но мы простояли въ нашей позиціи и 9-е число, и только производили усиленныя рекогносцировки вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Погода была суровая; холодный, мелкій дождь съ вѣтромъ много беспокоилъ насъ.

22-го сентября (10-го) дивизія получила приказаніе быть въ сборѣ. Во время приготовленій къ нему, меня позвалъ генераль, вручилъ мнѣ пакетъ и приказалъ немедленно ѣхать въ Москву и передать бумаги Бертье. Полагаю, это были донесенія о томъ, что мы дошли до Бронницъ, но нигдѣ не видали русской арміи. Взявъ съ собою деньщика и одного польскаго улана, я пустился въ путь. Мы ѣхали скоро, и такъ какъ лошади мои съ 14-го (2-го) числа получали сытный кормъ и не знали утомительной службы, то часовъ въ одиннадцать я достигъ хорошо знакомой мнѣ заставы. Далѣе я ѣхалъ безпрепятственно до тѣхъ поръ, пока не вступилъ въ черту пожара. Дымъ, видѣнный мною изъ-за Москвы-рѣки на горизонтѣ и служившій намъ путеводнымъ знакомъ, вскорѣ сталъ невыносимымъ, потому что вездѣ еще горѣли зданія, тѣли развалины и нѣкоторыя улицы оказались рѣшительно непроходимыми. Я повернулъ назадъ, сбился съ направленія, и, только благодаря моимъ людямъ, не заблудился окончательно въ лабиринтѣ вспыхивавшихъ иногда высокимъ пламенемъ пожарницъ. Наконецъ, мы встрѣтили нѣсколько человекъ русскихъ, разумѣется (?) зѣло пьяныхъ (*freilich sehr betrunken*) (*). Наипаче изъ нихъ

(*). Почему же „разумѣется?“. Развѣ всѣ русскіе непременно должны быть пьяны?... Если же авторъ ведетъ рѣчь о пьяныхъ русскихъ, видѣнныхъ имъ въ Москвѣ, то ему не слѣдовало забывать, что въ 1812 году въ Москвѣ остались лишь представители черни, отребія общества, которые, пользуясь неприятельскими

пьяному я развязалъ языкъ полтиною серебра, и онъ провелъ насъ окольными путями къ площади передъ Кремлемъ. Я слѣлъ съ коня у караула передъ кремлевскими воротами и, предъявивъ депеши, немедленно былъ пропущенъ. Людей и лошадей я оставилъ подъ надзоромъ караульнаго унтеръ-офицера, ибо грабительство было еще такъ велико, что надлежало принимать всякаго рода предосторожности. Солдатъ изъ караула провелъ меня черезъ дворъ, если не ошибаюсь, подъ нѣсколькими арками, и мимо многихъ беспорядочно-разбросанныхъ, какъ мнѣ показалось, церквей и строеній, на площадь, гдѣ, въ эту минуту, императоръ смотрѣлъ свою старую гвардію. Онъ былъ, по обыкновенію, въ сѣромъ сюртукѣ, въ бѣлыхъ штанахъ, въ высокихъ сапогахъ и въ маленькой шляпѣ. Возлѣ него стоялъ генералъ Бертье. Когда я приближался къ свитѣ, подошелъ ко мнѣ незнакомый ординарецъ-офицеръ и хотѣлъ взять привезенныя мною бумаги. Я отвѣчалъ, что мнѣ велѣно вручить ихъ самому «*prince vice-connetable*»; тогда ординарецъ повелъ меня къ свитѣ, которая цѣмѣшалась почти посрединѣ построенныхъ въ дивизионныя колонны гренадеровъ. Императоръ и Бертье ходили въ эту минуту между войсками. Генералъ Монтионъ взялъ у меня письмо и передалъ его Бертье. Я, между тѣмъ, былъ засыпанъ вопросами со всѣхъ сторонъ; всякому хотѣлось знать, гдѣ находится армія, гдѣ расположенъ тотъ или другой корпусъ. Когда я рассказалъ, въ какомъ положеніи оставилъ дѣла, какъ мы были на рязанской дорогѣ, ничего не знали о другихъ войскахъ и лишь изрѣдка слышали канонаду вдали, на правомъ флангѣ, многіе очень удивились: большинство полагало, что вся армія идетъ къ Огѣ и гонить передъ собою русскихъ.... Но еще сильнѣйшее удивленіе возбудили мои слова, что до сихъ поръ мы видѣли только казачьи полки. Съ любопытствомъ выслушали также мое замѣчаніе, что я пріѣхалъ безъ конвоя. «*Eh bien, que nous chante-on donc des cosaques qu'on doit rencontrer à chaque pas?*» («Что же намъ толкуютъ о казакахъ, встрѣчаемыхъ будто бы на каждомъ шагѣ?») сказалъ одинъ ординарецъ-офицеръ. Полянкъ изъ свиты Бертье (у него было ихъ много), кажется графъ Квиленцкій, освѣдомился о нашемъ полнашествіемъ и общей равноузнанности, предавался полному разгулу. Чернь вездѣ одинакова. Чтръ пьяная московская чернь грибала вѣстгъ съ наполеоновскими солдатами, офицерами и генералами—это также совершенно естественно; но чтобы она служила „руководительницею“ въ грабевъ французамъ, полянкамъ, вѣщамъ и т. д., какъ говорить выше авторъ, въ этомъ позволительно усомниться: наполеоновскимъ солдатамъ нечего было брать уроки въ разбоихъ, грабежахъ и неистовствахъ у московскихъ пролетаріевъ и бродягъ: наполеоновскіе солдаты сами были мастера въ этомъ дѣлѣ.

Т.

17

говори командирѣ и просилъ кляняться ему. Пока я разговаривалъ съ этимъ офицеромъ, воротился генералъ Монтіонъ, спросилъ, гдѣ я оставилъ свою часть и какія приказанія отданы были ей въ этотъ день. Получивъ отвѣтъ, онъ спросилъ еще, неавѣстно ли мнѣ, какія войска находятся противъ насъ, и когда я замѣтилъ, что мы не видали ничего кромѣ нѣсколькихъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ, генералъ полюбопытствовалъ знать: не образуютъ ли вооруженные крестьяне зародыша, ядра какого-либо національнаго вооруженія (*le germe, le pouau de quelque armement nationale*). По этому предмету, я, конечно, могъ сообщить генералу лишь самыя неудовлетворительныя свѣдѣнія; но я прибавилъ, что русскіе крестьяне хотя и отважнѣе мѣланскихъ герилья, однако не имѣютъ, кажется, хорошаго огнестрѣльнаго оружія. На вопросъ: есть ли у насъ продовольствіе, мясо, фуражъ, я отвѣчалъ, что во всемъ этомъ мы не нуждаемъ. «Скажите вашему генералу, что депеши представлены императору»—этими словами Монтіонъ заключилъ свои распросы. Наполеонъ, котораго я видѣлъ нѣсколько разъ въ интервалахъ баталіоновъ, казался бодрѣе, такимъ же, какъ и на тильберискомъ плацу. Гвардейскіе солдаты представляли великолѣпный видъ: они были такъ щеголеваты, какъ только можно желать.

Пока лошадь моя отдыхала, и я самъ могъ подкрѣпить себя и осмотрѣться. Первое я могъ исполнить въ какомъ-то шалашѣ, построенномъ на самой площади, въ нѣкоторомъ отдаленіи. У француза, хозяина этого шалаша-харчевни, мнѣ подали бифстекъ съ картофелемъ, бутылку очень хорошаго краснаго вина — полбутылки метръ-дотель не отпускалъ—и чашку отличнаго чернаго кофе, и за все взяли восемь франковъ—завтракъ, правду сказать, не совсѣмъ дешевый. Отъ гарсона и хозяина я узналъ, какъ пожаръ выгналъ изъ Кремля Наполеона и его гвардію, какъ императоръ бѣжалъ въ «un chateau de voisinage» (*) и воротился лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ; какъ былъ разграбленъ «базаръ» (**) *pour sauver au moins quelques débris de l'affreuse incendie* («чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, хоть что нибудь отъ страшнаго пожара»), и какъ вообще идутъ дѣла въ Москвѣ. Хозяинъ прибавилъ, что не трогаютъ только вблизи Кремля, въ отдаленныхъ же кварталахъ грабятъ безъ пощады, и что пять восьмыхъ города сгорѣло, а остальное разграблено. Познанія свои почтенный метръ-дотель почерпнулъ, вѣроятно, изъ разговоровъ офицеровъ, которые, какъ онъ увѣрялъ, всѣ по-

(*) Петровский дворецъ.

Г.

(**) Т. е. гостинный дворъ, или „городъ“, какъ говорятъ въ Москвѣ. Г.

сѣщаютъ его. Вслѣдствіи, всѣ эти рассказы я читалъ во многихъ книгахъ.

Путился я въ обратный путь тою же дорогою, которой пріѣхалъ и которую люди мои хорошо запомнили. Чѣмъ болѣе отдалялся я отъ Бремля, тѣмъ больше встрѣчалъ черни, занятой грабежемъ. Уланъ мой держался возлѣ меня съ пистолетомъ въ рукѣ, равно и мой хорошо вооруженный слуга. Изъ толпы пьяныхъ меня привѣтствовали, «французскою собакою». Конечно, я не зналъ этого, но, на всякій случай, приготовился схватиться за пистолеты. Вдругъ вѣхали мы въ долину, гдѣ дорога раздвоилась; мы не знали, куда направиться: дымъ поднимался съ обѣихъ сторонъ. Къ счастью, мой уланъ скоро осмотрѣлся, мы выбрались въ чистое поле и поехали быстро. Здѣсь мы наткнулись сначала на нѣсколько отрядовъ гвардейской кавалеріи, которые возвращались съ фуражировки, но потомъ, въ темнотѣ, разомъ наступившей при пасмурной погодѣ, сбились съ дороги. Огни, видѣнные нами тамъ и здѣсь, еще болѣе смущали насъ. Послѣ продолжительнаго блужданія замѣтили мы наконецъ красноватый свѣтъ на небѣ, и такъ какъ мы еще не попали опять въ Москвѣ-рѣкъ, то здѣсь не могло быть неприятельскаго лагеря. Мы рѣшились направиться по мелькавшему вдаль свѣту. Проѣхавъ довольно большое пространство, мы встрѣчены были огникомъ: «кто идетъ?» Зная, что польскій огликъ похожъ на русскій, я пріостановилъ коня и ожидалъ втораго оглика. Онъ не замедлилъ раздаться. Это была наша дивизія, найденная мною въ доброй полу-ниги отъ Москвы. Я рапортовалъ генералу объ исполненіи мною порученія, долженъ былъ рассказать ему все, что видѣлъ и слышалъ, и за то онъ угостилъ меня бутылкою вина, ломтемъ хлѣба и кускомъ ветчины, что признаюсь, я принялъ за особенное доказательство благоволенія. Бесѣда съ словоохотливымъ Клапаредомъ являла странную противоположность съ разговоромъ, который, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, я имѣлъ съ генераломъ Монтіономъ. Монтіонъ предлагалъ немногіе, но дѣльные вопросы; Клапаредъ истокался въ такихъ вопросахъ, на которые или могъ отвѣчать самъ, или въ такихъ, на которые, какъ онъ долженъ былъ знать, я не могъ дать отвѣта. Напримѣръ, его особенно интересовало заключеніе мира, и онъ ежеминутно возвращался къ этому предмету и къ сужденіямъ о немъ въ главной квартирѣ.

Часовъ въ одиннадцать генералъ отпустилъ меня. У дверей уже ждалъ ординарецъ нашего полковаго командира. Я передалъ полковнику поклонны, но не могъ сообщить ничего особенно-важнаго. Вѣсти,

слышанныя мною отъ хозяина харчевни, совершенно неожиданныя для дивизионнаго генерала, были столько же новы и для полковаго командира; онъ смотрѣлъ, впрочемъ, на нихъ совсѣмъ съ другой точки. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ:

— Вѣрьте мнѣ, мой другъ, мы идемъ навстрѣчу мрачной будущности. Мы потеряли даже слѣдъ русскихъ; никто не знаетъ, куда дѣвались они; Москва не существуетъ; армія наша деморализована; кавалерія погибла, и если теперь насъ застигнетъ зима, то я, право, не знаю, какъ, при всей гениальности императора, мы спасемся отъ катастрофы, предполагая, что русскіе начнутъ, въ то же время, наступательныя дѣйствія. Увидите, что это та самая война «пространства и времени», которую предрекъ намъ Нарбоннь.

Полковникъ рассказалъ мнѣ потомъ, что онъ слышалъ въ штабѣ Бертье, какъ самъ Бертье, Мюратъ, Дюрокъ, Дарю, Нарбоннь, словомъ всѣ возставали противъ движенія на Москву, но что не было возможности убѣдить императора, хотя онъ и часто колебался. Полковникъ продолжалъ:

— Съ той же стороны и по той же самой дорогѣ Россія уже получила однажды спасеніе. Когда, двѣсти лѣтъ тому назадъ, поляки занимали Кремль, въ Тулѣ и въ Калугѣ положено было начало освобожденію Россіи. И теперь, по слухамъ, русскіе отступили къ этимъ городамъ... Быть можетъ, меня обманываетъ моя любовь къ историческимъ сблизеніямъ, но если непріятель дѣйствительно расположился въ такомъ направленіи, то наше сообщеніе со Смоленскомъ уже теперь въ опасности.

Я, конечно, не могъ ничего сказать противъ этого мнѣнія, хотя и сомнѣвался, чтобы опасность грозила нашей операціонной линіи. Мой полковой командиръ остался при своемъ взглядѣ, однако не продолжалъ пренія.

Все 23-е (11-е) сентября мы стояли на прежней позиціи, и, кромѣ немногихъ казаковъ, не видали непріятели. 24-го (12-го) мы выступили рано, и пошли на западъ, слѣдуя вдоль рѣки Пахры. Послѣ довольно продолжительнаго и труднаго перехода въ холодную погоду, съ проливнымъ по временамъ дождемъ, мы расположились бивуакомъ у березовой роши, на большой дорогѣ, которая, говорили, вела въ городъ Каширу. И въ этотъ день мы видѣли нѣсколько казаковъ. 25-го (13-го) посылали мы во всѣ стороны поиски, но они ничего не открыли, кромѣ тѣхъ же немногихъ казаковъ. Только къ вечеру приблизились непріятельскіе конные отряды, имѣвшіе при

себѣ батарею. Открылась живая канонада, въ которой приняла участіе и наша полковая артилерія.

27-го сентября (15-го), въ шесть часовъ утра, выступили мы далѣе, и, отойдя нѣсколько верстъ отъ лагеря, наткнулись на непріятеля. Произошло нѣсколько незначительныхъ схватокъ, при которыхъ, какъ мнѣ показалось, слишкомъ много палили изъ пушекъ. Позже непріятель дѣйствовалъ настойчивѣе; казаки готовились даже атаковать насъ, но отошли, когда мы двинулись противъ нихъ. Тогда была демаскирована многочисленная кавалерія, подъ покровительствомъ которой продолжалось отступление. Обѣ пѣхотныя дивизіи построились въ два большіе каре, имѣя въ промежуткахъ кавалерію (кирасиры въ срединѣ, легкая кавалерія на флангахъ). Послѣ сильной канонады, французы повели атаку, однако русскіе не приняли боя.

Въ четыре часа по полудни мы расположились лагеремъ близъ Чесновицъ и Башковицъ (?), и вслѣдъ затѣмъ распространился слухъ, что неподалеку находится непріятельскій лагерь. Меня послали на рекогносцировку съ двумя ротами вольтижеровъ и одною ротою мускетеровъ, но не дали никакой инструкціи. Указали только пунктъ близости—лѣсистую высоту. Туда долженъ былъ я идти: *jusqu'à ce lieu, mais pas d'avantage, pour reconnaitre le pays et l'ennemi* («до этого мѣста, но не далѣе, чтобы рекогносцировать мѣстность и непріятеля»). Мѣстность была довольно пересѣченная, поросшая преимущественно березовымъ кустарникамъ. Не отошелъ я, быть можетъ, и тысячи шаговъ отъ аванпостовъ, какъ солдатъ изъ головной части явился ко мнѣ съ докладомъ, что недалеко виднѣтъ нѣкій непріятельскій лагерь. По ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что на разстояніи, примѣрно, доброй четверти мили, но въ лощинѣ, стояли три или четыре полка кавалеріи, готовившіеся, повидимому, выступить. Впереди меня лежалъ кустарникъ изъ молодыхъ березокъ, чрезъ который могъ бы пробѣжать смѣлый кавалеристъ. Шагахъ въ трехъ стахъ далѣе былъ лѣсъ побольше, изъ порядочныхъ деревьевъ; позади же были разбросаны рѣдкіе поросли и разстилалось на нѣсколько тысячъ шаговъ поле. Сообразивъ, что мнѣ слѣдовало овладѣть березовымъ кустарникомъ, и удостовѣрившись, что онъ не занятъ, я направился къ нему, такъ называемымъ нынѣ, гимнастическимъ шагомъ. Вслѣдъ за занятіемъ кустарника, я получилъ изъ авангарда извѣстіе, что непріятель снялся и идетъ на насъ. Дѣйствительно, я увидѣлъ три или четыре полка, двигавшіеся въ эскадронныхъ колонахъ. Они образовывали большую дугу, какъ будто хо-

тѣмъ обойти тотъ лѣсокъ, о которомъ упомянуто, и гдѣ, какъ они вѣроятно замѣтили, засѣли мои застрѣльщики. Я расположилъ людей своихъ такъ, чтобы, въ случаѣ исполненія задуманнаго противникомъ маневра, они могли обстрѣливать его въ тылъ и во фланги. Не доходя до лѣска, русскіе поскакали взводами въ промежутокъ, а потомъ повернули, обратясь къ намъ тыломъ, къ березовому кустарнику, но въ ту же минуту были встрѣчены, хорошо поддержаннымъ огнемъ. Съ первыми выстрѣлами они бросились впередъ, съ крикомъ проскакали чрезъ кустарникъ, собрались за нимъ и быстро исчезли въ той сторонѣ, откуда пришли. Тогда я вышелъ изъ своей засады. Мы насчитали убитыми четырнадцать лошадей и четырехъ солдатъ. Прежде чѣмъ я достигъ нашихъ аванпостовъ, король Неаполитанскій уже выѣхалъ мнѣ навстрѣчу съ бригадою кавалеріи. Выслушавъ мое донесеніе, онъ сказалъ: *très bien! très bien!* и послалъ нѣсколько эскадроновъ для преслѣдованія. Но какъ, между тѣмъ, стемнѣло, то эскадроны вернулись скоро: они не выдали ни одного человѣка (*).

(*) Для поясненія черевъ-чуръ сятаго разсказа Брандта, нужно припомнить то, что происходило въ нашей арміи послѣ оставленія Москвы. 2-го (14-го) сентября, т. е. въ день занатія столицы непріателемъ, наша армія сдѣлала переходъ изъ пятнадцать верстъ по рязанской дорогѣ и остановилась на ночлегъ у селенія Панки. Арьергардъ Милорадовича, отойдя шесть верстъ отъ Москвы, почевалъ у Вязовки. На этихъ мѣстахъ войска наши простояли весь слѣдующій день. Вечеромъ 3-го (15-го) сентября, арьергардъ Милорадовича былъ сѣненъ 7-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ кавалерійскимъ корпусами, подъ общимъ начальствомъ Раевского (4-мъ корпусомъ командовалъ Васильчиковъ), полки же преняго арьергарда поступали въ составъ главныхъ силъ. 4-го (16-го) числа, Раевскій, съ пѣхотомъ, отошелъ къ Островцамъ, а Васильчиковъ, съ кавалеріей, къ Пангамъ; армія, перейдя рѣку Москву, расположилась у селеній Боровскаго-Моста и Кулакова. 5-го (17-го) сентября, Кутузовъ оставилъ у Боровскаго-Моста арьергардъ Раевского, перешелъ, съ главными силами, форсированнымъ маршемъ, на московско-каширскую дорогу, прибылъ на другой день въ г. Подольскъ и здѣсь 7-го (19-го) далъ арміи отдыхъ. 7-й пѣхотный корпусъ, находившійся въ арьергардѣ, перейдя у Боровскаго-Моста рѣку Москву, расположился 5-го сентября между этимъ селеніемъ и Кулаковымъ, тамъ, гдѣ стояли главные силы; Васильчиковъ, со своею кавалеріею, оставившійся до вечера по ту сторону Москвы-рѣки, тоже перешелъ на правый берегъ. Затѣмъ Раевскій, съ арьергардными войсками, двинулся вслѣдъ за арміею, по правому берегу Пахры, къ Фроловскому-Яму, а отсюда къ г. Подольску.

Продолжая еланговое движеніе, Кутузовъ перешелъ 8-го (20-го) сентября, съ главными силами, по лѣвому берегу Пахры, къ селенію Горкамъ, на старой калужской дорогѣ, а 9-го переправился на правый берегъ, гдѣ расположился у сел. Красной-Пахры. Для прикрытія арміи со стороны Москвы, фельдмаршалъ направилъ Милорадовича, съ 8-мъ пѣхотнымъ и 1-мъ кавалерійскимъ корпусами отъ г. Подольска прямо къ селенію Деонъ, тоже на старой калужской дорогѣ. Пѣхота Раевского стала между этою послѣднею и тульскою дорогами, у деревни Луковня; кавалерія Васильчикова близъ г. Подольска, на тульской дорогѣ. Изъ

28-е сентября (16-е) мы простояли на прежней позиціи. Странный былъ образъ нашихъ дѣйствій въ это время. Мы ходили то туда, то сюда, видѣли здѣсь войско, тамъ лагерь, и часто бывали такъ разсѣяны, что не могли бы собраться съ случаемъ нечаянной атаки съ которой-либо стороны. Словомъ, мы дѣйствовали ощупью: «on ne fait que droguer», говорили солдаты, объясняя этимъ выраженіемъ напрасное шатанье. Объяснилось все уже впоследствии: мы гонялись за неприятелемъ, котораго потеряли изъ вида, и наконецъ нашли его, какъ то предполагать нашъ дальновидный полковой командиръ, на тульской и на калужской дорогѣ. Если бы русскіе лучше понимали малую войну, если бы казаки были болѣе стойки подъ огнемъ, то уже тогда могли бы надѣлать намъ много вреда.

29-го сентября (17-го), снявшись, въ десять часовъ утра, съ позиціи, мы скоро наткнулись на русскую кавалерію, артилерію козацкихъ полковъ, находившихся въ арьергардѣ, одинъ оставленъ у г. Подольска; два, подъ командою полковника Ефремова, на рязанской дорогѣ, получивъ отъ Васильчикова приказаніе, въ случаѣ наступленія противъ превосходнаго силами неприятеля, отступать не на соединеніе съ арьергардомъ, а по тѣмъ дорогамъ, на которыхъ они стояли.

Въ ночь съ 9-го (21-го) на 10-е (22-е) сентября, Наполеонъ получилъ донесеніе, что его авангардъ потерялъ изъ виду русскую армію, и что казаки, появившіеся на Можайской дорогѣ, нападали на французскіе транспорты. Въслѣдствіе этихъ извѣстій, онъ послалъ корпусъ Понятовскаго прямо къ Подольску, для содѣйствія войскамъ, находившимся на рязанской дорогѣ, а Мюрату приказалъ, принявъ надъ ними начальство, преслѣдовать русскихъ по пятамъ. Маршалъ Бессьеръ былъ отправленъ, съ наблюдательнымъ корпусомъ, на тульскую дорогу, съ которой онъ впоследствии свернулъ на старую калужскую. Мюрать, достигнувъ Бронницъ, убѣдился, что предъ нимъ отступалъ только казачій отрядъ, и потому, приказавъ, 12-го (24-го) сентября, Понятовскому идти къ Подольску, самъ двинулся, на другой день, туда же со всею своею кавалеріею. Въ то же время приблизился къ Деснѣ и Бессьеръ. Въ виду превосходныхъ силъ неприятеля, наши передовые отряды отступили: Милорадовича къ Витутинкѣ, Раевскаго къ Поливанову. Чтобы отвлечь неприятеля отъ нашей арміи, полковникъ Харитоновъ, стоявшій съ казачьимъ полкомъ у Фроловскаго-Яма, на каширской дорогѣ, получилъ приказаніе отступить по этой дорогѣ. То же сдѣлалъ и майоръ Лачиновъ, находившійся съ башкирскимъ полкомъ у Подольска: онъ отступилъ по серпуховской дорогѣ и увлекъ за собою до двухъ тысячъ неприятельской кавалеріи. Вотъ чѣмъ объясняются тѣ отступленія русскихъ, о которыхъ такъ часто упоминаетъ Брандтъ.

Движеніе неприятельскихъ войскъ къ Деснѣ и Подольску было принято Кутузовымъ за началo общаго наступленія наполеоновой арміи; почему, сблизивъ къ своей арміи всѣ передовые отряды, 15-го (24-го) сентября отступилъ, съ главными силами, къ Бабенкову, на рѣкѣ Мочѣ. Тогда же Милорадовичъ и Раевскій отступили къ Красной-Пахрѣ, и того же 15-го числа Мюрать донесъ Наполеону, что русскіе намѣрены удерживаться въ занятой ими позиціи, но вслѣдъ затѣмъ извѣстилъ объ отступленіи нашей арміи. Это послѣднее свидѣніе было ошибочно: только 4-й корпусъ Остермана отошелъ за Мочу. (Богдановичъ, „Исторія отечественной войны 1812 года“.)

торой немедленно открыла сильный огонь. Однако она отъехала за-
мѣтить, что мы готовились къ атакѣ. Казаки же обнаружали, въ
эти дни, необычайную силу, да и явились они въ болѣе зна-
чительныхъ силахъ. Разсыянные по всему фронту, повсюду и не-
уставно нападавая на нашу изуренную конницу, мгновенно отступая,
чтобы чрезъ минуту нагнать вновь, вездѣ и вездѣ, они препят-
ствовали нашимъ фуражировкамъ въ хлѣбородной мѣстности и тѣмъ
еще болѣе ослабляли нашу кавалерію. Она тогда держалась лишь на
томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, слѣдовательно въ такой же мѣрѣ и участ-
вовала въ дѣйствіяхъ. Тамъ, гдѣ позволяла мѣстность, казачья арти-
лерія обстрѣливала насъ изъ своихъ легкихъ, запряженныхъ добрыми
конями, орудій; наконецъ, казаки сдѣлались такъ отважны, что при
всѣхъ дефилеяхъ, рвахъ и мостахъ спѣшивались и открывали за-
стрѣльщичій огонь. Съ приближеніемъ пѣхоты, они вскакивали на
коней и исчезали съ быстротою молніи.

Въ то время, когда мы двигались, на нашемъ правомъ флангѣ
гремѣла сильная канонада: это былъ князь Понятовскій, дравшійся
съ русскими у Чирикова. Имѣя не много болѣе трехъ тысячъ чело-
вѣкъ—до такой цифры уменьшился его корпусъ—онъ стойко выдер-
жалъ здѣсь бой съ Милорадовичемъ, значительно превосходившимъ
его силами, не уступилъ позиціи и взялъ до пяти сотъ плѣнныхъ.
Непріятель потерялъ вдвое больше убитыми и ранеными; но и поля-
ковъ легло пять сотъ челоуѣкъ—уронъ крайне чувствительный при
нашихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ... Насупротивъ насъ стояли
большія массы казаковъ, поддерживаемыя регулярною конницею; онѣ,
повидимому хотѣли не допустить насъ до поданія помощи полякамъ (*).

Важется, въ этотъ день Мюрату угрожала серьезная опасность.
Было уже поздно, а казаки все еще стояли, какъ у насъ выража-
лись, «à la barbe de nos colonnes» (подъ носомъ нашихъ ко-
лонъ). Король Неаполитанскій пошелъ на нихъ съ частію кавале-
ріи. Сначала казаки отступили, потомъ выстроились на ходу и вне-
запно ринулись на французовъ, преимущественно туда, гдѣ былъ Мю-
ратъ, извѣстный всѣмъ по своей одеждѣ.—«Сегодня ты не уйдешь,
царь!» закричали ему казаки; конвой короля былъ смятъ и разсыянъ и

(*) Рассказъ Брандта о дѣлѣ 17-го (29-го) сентября у деревни Чириковой,
близъ Красной-Пахры, нѣсколько подробнѣе нежели въ нашихъ описаніяхъ войны
1812 года, но не во всемъ согласенъ съ ними. Наши аріергарды отступили къ этой
деревнѣ и къ Сатину 16-го числа, а на другой день Милорадовичъ атаковалъ
непріятеля и вытѣснилъ его изъ лѣса. Тутъ были взяты въ плѣнъ генералъ
Ферье, начальникъ штаба Мюрата, и адъютантъ князя Понятовскаго, графъ По-
тоцкій. Объ этомъ Брандтъ умалчиваетъ.

Мюратъ нашелся вынужденнымъ вступать въ личный бой съ нѣсколькими непріятелями. Возлѣ него находился только одинъ полякъ, капитанъ Мальшевскій, двоюродный братъ нашего полковаго командира, исправлявшій при королѣ должность переводчика. Хотя самъ Мюратъ выбилъ изъ сѣдла одного казака, а нѣкоторыхъ другихъ ранилъ, однако долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Въ догонку за нимъ пустились два казака... завязалось новое единоборство... королю грозила неминуемая гибель... Въ это мгновеніе подскочилъ Мальшевскій; одного казака онъ зарубилъ, другой бѣжалъ. Мюратъ тутъ же пожаловалъ своего спасителя барономъ, наградилъ неаполитанскимъ орденомъ и назначилъ аренду въ нѣсколько тысячъ ляръ дохода. Въ 1816 году капитанъ Мальшевскій воротился въ Варшаву, когда участь короля Неаполитанскаго была уже рѣшена, потерялъ и баронство, и орденъ, и аренду и кончилъ жизнь въ неизвѣстности.

Подъ вечеръ мы выставили аванпосты на Мочѣ. Это повело въ новой сильной канонадѣ; кончившейся поздно, когда до насъ долетали послѣдніе выстрѣлы отъ Чирикова. Мюратъ направился на западъ, чтобы опять сблизиться съ 5-мъ корпусомъ (Понятовскаго). Главная квартира нашей дивизіи расположилась въ Цыловѣ, куда мы отступили. Командовавшій аванпостами находился въ Окуловѣ. Передаю всѣ эти названія такъ, какъ они были извѣстны въ дивизионномъ штабѣ. Если вспомнить, что русскія названія были списаны французскими буквами съ первой карты Россіи, изготовленной по приказанію Наполеона для его генераловъ, и, офранцузенныя, перешли въ различныя приказанія и пароли, то нечему удивиться, если нерѣдко встрѣчаются такіа имена, которыя казались болѣе апокрифическаго, чѣмъ русскаго происхожденія.

Ночь прошла довольно спокойно. Только одинъ изъ самыхъ крайнихъ постовъ былъ потревоженъ казаками; но утромъ тамъ нашли только застрѣленнаго мужика въ кафтанѣ и въ лаптяхъ—доказательство, что и народъ сталъ принимать участіе въ войнѣ.

До полудня 30-го (18-го) сентября непріязненныхъ столкновений не было; послѣ же полудня пришла наша кавалерія, которая хотя и старалась расположиться какъ можно болѣе закрыто, однако была замѣчена противникомъ. Русскіе выдвинули нѣсколько гаубицъ и стали обстрѣливать мѣстность, гдѣ предполагали нашу конницу. Между тѣмъ была собрана наша дивизія и генераль Латуръ-Мобуръ приказалъ направить огонь противъ кустарника, откуда дѣйствовали русскія орудія. Съ наступленіемъ темноты, мы возвратились на свой бивуакъ.

2-го октября (20-го сентября), въ девять часовъ, получено было приказаніе перейти за Мочу. Сильный огонь нашихъ вольтижеровъ удалилъ русскихъ съ противоположнаго берега. Во время приготовленій къ переправѣ, пріѣхалъ генералъ Себастьяни. «Какъ, вольтижеры, вамъ нуженъ мостъ, чтобы перейти такую рѣчку?» воскликнулъ онъ. Въмѣсто отвѣта, нѣсколько офицеровъ прыгнули въ воду; за ними послѣдовали солдаты и, по-грудь въ водѣ, достигли другаго берега. Утонулъ только одинъ солдатъ, поавшій, вѣроятно, въ глубокое мѣсто. Тотчасъ же заняли берегъ, отсюда направившись къ деревнѣ и здѣсь утвердились въ помѣщичьемъ домѣ. Моча, тѣмъ временемъ, была перейдена во многихъ мѣстахъ; въ одиннадцатъ часовъ переправились артилерія, пѣхота и конница. Русская пѣхота, повидимому немногочисленная, скрылась; но артилерія и кавалерія отошли только послѣ живой канонады. Все это отступило къ деревнѣ Изловой-Михайловой, у которой были построены многіе редуты. Непріятель, казалось, готовился серьезно защищать ихъ. Отъ плѣнныхъ мы узнали, что противъ насъ стоялъ генералъ Милорадовичъ. Здѣсь мы соединились съ корпусомъ Понятовскаго, канонаду котораго слышали уже нѣсколько дней. Король Неаполитанскій тотчасъ же взялъ польскую кавалерію и конную артилерію, находившіяся еще въ хорошемъ состояніи, чтобы отбросить непріятеля; но русскіе открыли сильную канонаду, на которую и мы отвѣчали не менѣе, сильно. Намъ приказано было направиться къ правому флангу непріятельской позиціи, гдѣ наша дивизионная артилерія открыла такой успѣшный огонь противъ русской кавалеріи, что та скоро отступила. Вслѣдствіе этого флангъ обнажился, и когда войска изъ центра двинулись къ землянымъ веркамъ, послѣдніе были оставлены, какъ намъ показалось, слишкомъ торопливо, подъ покровительствомъ многочисленной артилеріи и кавалеріи. Но едва прошли мы впередъ еще съ версту, какъ паткнулись снова на многочисленную кавалерію, впереди которой стояла, снявшись съ передковъ, весьма сильная артилерія. Мы находились теперь на равнинѣ, довольно обширной для дѣйствія конницы. Два березовые лѣска, по правую и по лѣвую сторону дороги, были очень удобны для того, чтобы служить опорною точкою обоимъ нашимъ флангамъ. Они и были заняты: правый дивизіей Дюфура, лѣвый дивизіей Клапареда; кавалерія же и артилерія наполнили промежутокъ. Надобно полагать, что болѣе двухъ сотъ орудій открыли огонь съ обѣихъ сторонъ. Сначала непріятель не обращалъ вниманія на нашу дивизию, скрытую въ лѣсу; но потомъ выдвинулъ противъ нея гаубичную батарею.

Допанье гранатъ, трескъ деревьевъ, тревожное положеніе людей, обстрѣливаемыхъ невидимымъ противникомъ, невозможность отвѣчать на его огонь, мрачное безжолвіе, довольно сильный холодный дождь—все это сложилось въ крайне неотрадное цѣлое. Уже спустя нѣсколько времени подошла легкая польская артилерія. Мы узнали ее издавна по бѣлымъ плащамъ и встрѣтили радостными криками. Молодцы, подъ жесточайшимъ огнемъ, подсканали къ русскимъ, осыпали ихъ градомъ картечи и скоро принудили отступить за Воропово (*).

Селеніе это (Ростопчина) было зажжено еще прежде. Крестьянскіе дома, влѣво отъ дороги, лежали въ развалинахъ; всѣ они были каменные—явленіе въ Россіи рѣдкое. Вправо отъ дороги, помѣщичій дворъ съ пристройками представлялъ огромную кучу мусора; только въ концѣ обширнаго сада, обведеннаго стѣною, уцѣлѣла въ углу круглая башня, на которой стоялъ взвѣшійся на дыбы конь колосальныхъ размѣровъ. Къ воротамъ дома былъ прилѣпленъ полулистъ бумаги, на которомъ было написано крупными буквами: «J'ai mis le feu à mon château, qui me coute un million, afin qu'aucun chien français y loge». («Я поджегъ мой домъ, стоявшій мнѣ миліона, для того, чтобы въ немъ не жила ни одна французская собака».) Сотни человекъ читали эту надпись и могутъ засвидѣтельствовать, что всѣ позднѣйшія парафразы ея невѣрны. Она находилась потомъ въ рукахъ адъютанта Мадалинскаго, очень дорожившаго этимъ документомъ, и я видѣлъ у него бумагу еще въ Германіи (**).

3-го октября (21-го сентября) мы продолжали маршъ почти безпрепятственно. Довольно открытая равнина позволяла видѣть и наши, и непріятельскія движенія. Обѣ пѣхотныя дивизіи, построеныя въ каре, прикрывали фланги кавалеріи, наступавшей отчасти въ колоннахъ, отчасти въ линіяхъ. Вся артилерія слѣдовала въ видѣ *corps de bataille*. Огромный вагенбургъ образовывалъ подвижную базу нашихъ операцій и могъ быть признаваемъ за редюитъ. Къ вечеру повстрѣчались опять съ русскими, которые, послѣ сильной

(*) Дѣло 20-го сентября (2-го октября) между Милорадовичемъ и Мюратомъ происходило въ самый день вступленія нашихъ главныхъ силъ въ Тарутно, за Нарою.

T.

(**) Михайловскій-Данилевскій передаетъ переводъ этой записки Ростопчина въ слѣдующемъ видѣ: „Восемь лѣтъ украшалъ я мое село, и жилъ въ немъ счастливо. При вашемъ приближеніи, крестьяне, въ числѣ 1,720, оставляютъ свои жилища, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не былъ освоенъ вашимъ присутствіемъ. Франгузы! въ Москвѣ я оставилъ вамъ два мои дома и движимости на полмиліона рублей; здѣсь же вы найдете одинъ пепелъ“. („Описаніе отечественной войны въ 1812 году“).

T.

канонады, оставили свою позицію (*). Ночью посланы были части пѣхоты въ деревню, находившуюся по близости аванпостовъ: онѣ нашли ее незанятою, наполненною ранеными, больными, отсталыми и продовольственными запасами. Наши взяли нѣсколько сотъ плѣнныхъ и принесли много съѣстныхъ припасовъ, которыми были навьючены плѣнные. Но едва люди вышли изъ деревни, какъ въ ней опять появились русскіе, впрочемъ поздно: патискъ ихъ на аванпосты ограничился короткою перестрѣлкою.

Хотя съ 27-го (15-го) сентября мы были въ постоянныхъ дѣлахъ, однако не понесли такого значительнаго урона, какъ можно было бы предполагать, судя по частому и сильному артилерійскому огню. Тѣмъ не менѣе, артилерія и кавалерія съ каждымъ днемъ приближались къ своему уничтоженію, тогда какъ пѣхота сохранилась еще очень хорошо, даже стала лучше по выходѣ изъ Москвы. Въ продовольствіи мы не нуждались (**); погода была сносная; дороги хотя и испортились, однако были проходимы. Всѣ роды оружія проявляли прежнее геройское мужество. Взводы артилеріи не страшились вступать въ бой съ цѣлыми батареями; самыя мелкія части конницы атаковывали цѣлыя массы казаковъ, и часто, если перевѣсъ на сторонѣ противника былъ не слишкомъ великъ, выходили побѣдителями. Болѣе крупныя части кавалеріи, несмотря на плохихъ и изуренныхъ лошадей, были рѣдко опрокидываемы (***).

18-го октября (6-го) мы выступили, въ ясный день, рано. Маршевой порядокъ былъ тотъ же что и наканунѣ. Наша дивизія

(*) Такая короткая замѣтка о дѣлѣ 21-го сентября (3-го октября) слишкомъ неудовлетворительна. Милорадовичъ, обведенный справа частью непріятельскихъ войскъ, двинувшись на Боголюбское, отступилъ къ Спасъ-Кульѣ и, для удержанія непріятеля, поставилъ на высоту, у этого села, батарею изъ четырнадцати конныхъ орудій. Выйдя изъ лѣса на открытое пространство и будучи разстроенъ удачнымъ дѣйствіемъ этой артилеріи, непріятель выставилъ батарею изъ восемнадцати орудій; но наша артилерія подбила у него три орудія, взорвала четыре ящика и заставила батарею отойти. Затѣмъ наши орудія обратили огонь противъ кавалеріи, которая поушлась обойти насъ съ фланга, разстроила ее и принудила скрыться въ лѣсу. Французы потеряли одними плѣнными десять офицеровъ и до полутора ста нижнихъ чиновъ. Только на другой день Милорадовичъ отступилъ за рѣчку Черничну. Значитъ, почтенному автору не хотѣлось говорить объ успешной оборонѣ русскихъ и о потерѣ французовъ? Или онъ не вѣдалъ о томъ?
Т.

(**) Когда, во время сраженія при Тарутинѣ, казаки напали на бивуаки Себастьяни, то на бивуачныхъ огняхъ найдены были котлы съ лошадиною падаляю. Можетъ быть, въ этого рода продовольствіи не нуждалась непріятельская армія?
Т.

(***) Самовосхваленіе въ историческомъ писателѣ нигуда не годится: кто же повѣрять такому голословному показанію, когда факты говорятъ другое?
Т.

слѣдовала, попережнему, на правомъ флангѣ. Мы очень скоро встрѣтились съ непріятелемъ, гораздо превосходившимъ насъ силами своей кавалеріи. Медленный отходъ регулярной конницы и смѣлость казаковъ заставляли предполагать стойкое сопротивление. Въ этомъ мы тотчасъ же и убѣдились. Прекрасная равнина, по которой мы двигались, постепенно наполнялась сынами Дона, которые неоднократно развѣртывались передъ нами, открывали сильный огонь и затѣмъ поспѣшно отходили. Въ то же время у Спасъ-Вупли, а потомъ и у Богородскаго, загремѣла жестокая канонада. Былъ часъ одиннадцатый, когда мы опять очутились насупротивъ многочисленной кавалеріи, стоявшей впереди насъ нѣсколькими линіями. Наши пѣхотные полки, по сю сторону, построились въ каре съ большими дистанціями. Второй полкъ дивизіи образовывалъ, при этомъ, крайній правый флангъ; къ нему примыкалъ третій. На лѣвомъ флангѣ дивизіи стоялъ первый полкъ. 94-й французскій полкъ, присланный на подкрѣпленіе этого фланга, былъ нѣсколько выдвинутъ. Онъ имѣлъ при себѣ четыре полковыя пушки. Прочіе полки дивизіи Дюфура были расположены почти въ одной линіи съ нами и поддерживали связь съ корпусомъ Понятовскаго, полки котораго, первой линіи, также построились въ каре. Артилерія занимала интервалы. Позади пѣхоты стояла кавалерія. Въ нѣкоторомъ разстояніи за нею находился вагенбургъ, охраняемый, кажется, только легкоранеными, заболѣвшими, офицерскими деньщиками и маркитантами. Были, впрочемъ, при немъ и орудія, запряженныя самыми плохими лошадьми. Замѣчательно, что все эти построенія и распоряженія были произведены почти безъ выстрѣла. Король Неаполитанскій проѣхалъ по боевой линіи и сказалъ командиру втораго баталіона 2-го полка, лично ему извѣстному: «Eh bien, vous voilà comme en Egypte.» («Ну, вотъ мы какъ въ Египтѣ»). Солдаты радостно привѣтствовали Мюрата: они уважали его за храбрость и неустрашимость, любили за ласковость, за умѣнье обращаться съ ними. Не такъ благосклонно отзывались о Муратѣ французскіе кавалерійскіе офицеры: «c'est un fameux soldat, mais il a abimé notre cavalerie, qui sera bientôt démontée.» («Лихой солдатъ, но онъ сгубилъ нашу кавалерію, которая скоро останется безъ лошадей»).

Второй полкъ получилъ, часовъ въ одиннадцать, приказаніе занять лѣсокъ, лежавшій вправо отъ него. Другой полкъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ эшелонами. Мы совершили это движеніе благополучно, но, при дальнѣйшемъ наступленіи, были задержаны довольно глубокою долиною, орошаемою рѣчкою Черпичною,

о существованіи которой мы ничего не знали. Въ этотъ моментъ мы увидѣли впереди себя русскую кавалерію: она отошла носѣбно и демаскировала до сорока орудій, которыя съ другого берега рѣчки открыли по насъ сильный огонь. Все разомъ остановилось. Но упомянутыя выше четыре орудія, находившіяся при 94-мъ полку, немедленно приблизились къ окраинѣ долины и мужественно выдерживали огонь многочисленной артилеріи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, вольтижерамъ 94-го и 2-го польскаго полка удалось перейти, въ разныхъ мѣстахъ, Черничну. Русская артилерія отступила тотчасъ же, и наши войска могли безпрепятственно переправиться черезъ рѣчку. Однако русскіе, прислонивъ лѣвый флангъ къ Нарѣ, правый къ лѣсу, очень скоро остановились: ихъ кавалерія опять расположилась передъ нами въ длинныхъ линіяхъ; за нею артилерія; пѣхота занимала нѣкоторыя части лѣса.

Когда мы дебушировали изъ долины, кавалерія снова отошла, и снова демаскировала многочисленную артилерію, отрывшую жестокую канонаду въ ту самую минуту, когда 94-й французскій полкъ въ первой линіи и 2-й и 3-й польскіе полки во второй выдвинулись изъ рѣчной долины на нѣсколько сотенъ шаговъ. Баталіонъ 94-го полка, бывший впереди насъ, терпѣлъ сильно и началъ колебаться. Командиръ его дѣлалъ все возможное для приведенія людей въ порядокъ; но въ то мгновеніе, когда онъ могъ надѣяться на успѣхъ своихъ стараній, одного офицера, бывшего верхомъ, граната подняла на воздухъ, въ буквальный смыслъ слова; баталіонъ побѣжалъ на нашъ полкъ и обѣ эти части могли быть устроены уже на окраинѣ долины Черничны. Осколокъ гранаты сорвалъ съ моей головы киверъ съ такою силою, что одна чешуя лопнула, и самъ я, во время бѣгства, былъ сброшенъ съ лошади. Достаточно было нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи, чтобы раздавить насъ всѣхъ. Мы, однако, скоро оправились. Между тѣмъ подоспѣли пятнадцать орудій, которыя съ большимъ трудомъ поднялись по окраинѣ долины. Мы двинулись теперь впередъ въ нѣсколько лучшемъ тактическомъ порядкѣ. Батареи утвердились на своихъ мѣстахъ; мы за нами застрѣльщиками находившіяся правѣе насъ кустарники и построились позади его въ приличномъ разстояніи. Нѣсколько слабыхъ кавалерійскихъ полковъ помѣстились отчасти въ интервалахъ между полками пѣхотными, отчасти за ними. Слабѣйшія части кавалеріи образовывали, мѣстами, родъ второй линіи.

Бой, происходившій въ то же время на нашемъ лѣвомъ флангѣ, былъ также очень жарокъ: канонада гремѣла страшно и самъ Мю-

ратъ отправился туда. Но и русскіе начали наступать рѣшительнѣе. Нѣкоторыя кавалерійскія атаки были, правда, остановлены хладнокровіемъ нашей конницы: она ожидала противника имѣя ружья наготовѣ, и противникъ всякій разъ отказывался отъ нападенія; но когда онъ сталъ готовиться къ атакѣ большими массами, тогда французская кавалерія отступила совершенно. Артилерія также отправилась въ долину Черничны свои передки и лошадей; прислуга примкнула къ пѣхотѣ. Наши застрѣльщики были отброшены стремительно; однако и наступающіе русскіе попали подъ выстрѣлы нашей пѣхоты и снова отошли, оставя кустарникъ незанятымъ. Кавалерія же ихъ стояла, ничего не предпринимая, противъ перваго полка нашей дивизіи и 94-го французскаго полка. Атаки ея на 3-й полкъ были отбиты.

Казалось, что послѣ этого мы благополучно выдержали самый опасный фазисъ сраженія, какъ вдругъ русскіе вернулись, атаковали насъ, овладѣли кустарникомъ и отбросили нашихъ стрѣлковъ на полякъ. Командиръ полка рѣшился на отчаянную попытку: при звукахъ трубъ и грохѣ барабановъ онъ устремился на русскіхъ; тѣ отошли и мы заняли нашу прежнюю позицію. Въ минутное затишье, теперь наступившее, появился король Неаполитанскій. Выдвинувъ опять артилерію и кавалерію, онъ притянулъ къ себѣ еще нѣсколько конницы, оставленной на другомъ берегу рѣчки; но такъ какъ кавалерія много терпѣла здѣсь отъ артилерійскаго огня, то должна была стать дальше позиціи. Русскіе, замѣтивъ это и надѣясь, вѣроятно, взять въ плѣнъ короля Неаполитанскаго, издали замѣтнаго по своему костюму, устремились на 2-й полкъ (наблюдая, въ то же время, и за нашимъ 3-мъ полкомъ), который стоялъ на самомъ крайнемъ флангѣ и по близости котораго находился Мирать. Атака была такъ стремительна, что король и свита его бѣжали въ наше лагерь. Русскіе быстро неслись впередъ, но, не встрѣчая огня, поѣхали тише и, наконецъ, остановились, примѣрно шагахъ въ пятидесяти. Наступила мертвая тишина, прерываемая только фырганьемъ лошадей.... Вдругъ у русскіхъ послышалась команда: повзводно, направо кругомъ!... и всадники поѣхали назадъ шагомъ.... Подобное я видалъ потомъ только на ученьяхъ въ мирное время.

Мирать осыпалъ нашъ полкъ похвадами. «Я буду говорить о васъ императору», сказалъ онъ намъ на прощанье. Въ 1813 году, проходя чрезъ Дрезденъ, мы дефилировали мимо дома, въ окнѣ котораго стоялъ король Неаполитанскій. Онъ тотчасъ узналъ полковаго командира, приказавъ остановиться полку, сохранившему, конечно, съ

1812 года только слабые кадры, и прошелъ по фронту, *pour voir ses braves camarades* («чтобы повидаться со своими храбрыми товарищами»), какъ выразился онъ.

Русская пѣхота снова заняла кустарникъ и оттуда стала опять наступать. Тогда полковой командиръ взялъ обѣ вольтижерныя роты и по два фланговыхъ взвода отъ каждого баталіона, поручилъ мнѣ команду надъ ними и приказалъ отнять у русскихъ кустарникъ.

Непріятель ожидалъ насъ стойко, подъ сильнымъ огнемъ. Я открылъ огонь съ самой близкой дистанціи, влѣдствіе чего русскіе отошли, а мы послѣдовали за ними въ кустарникъ. Не всѣ войска, стоявшія вправо и влѣво отъ пространства, которое мы пробѣжали, спокойно оставались въ огнѣ, стрѣляя механически туда, гдѣ не было непріятеля. Они прекратили стрѣльбу, кажется, по приказанію, потому что мы слышали команду и барабанный бой. Для насъ дѣло это было очень кровопролитно: мы потеряли 11 офицеровъ и 257 нижнихъ чиновъ. Я находился въ числѣ раненыхъ. Пуля ударила мнѣ въ лодыжку и тамъ застряла. Это случилось въ тотъ моментъ, когда мы достигли опушки роковаго кустарника.

Не менѣе упоренъ былъ бой и по всей линіи. Русскіе безусловно удержали за собой позицію, въ которой приняли сраженіе, одержали, слѣдовательно, побѣду, и притомъ первую рѣшительную побѣду въ эту войну, хотя не взяли ни плѣнныхъ, ни трофеевъ (*).

Раненые были отправлены въ Винково. Мнѣ съ большою болью вырѣзали пулю изъ ноги, уже сильно распухшей. Я впалъ въ оцѣпенѣніе, изъ котораго былъ пробужденъ страшнымъ грохотомъ. Въ набѣ влетѣло ядро, раздробило балку и пронеслось черезъ комнату—гость вовсе неудобный, но, къ счастью, единственный.

— Это визитная карточка, которой русскимъ не слѣдовало бы посылать, замѣтилъ одинъ раненый офицеръ 3-го полка, капитанъ Браевскій.

(*) Странно, что Брандтъ, описывая сраженіе при Черничѣ (или при Тарутицѣ), ни слова не говоритъ о томъ, что оно началось, съ нашей стороны, нападеніемъ на авангардъ французской арміи. Изъ словъ же автора можно заключить, что сраженіе было открыто наступленіемъ французовъ. Несправедливо также, будто русскіе не взяли ни плѣнныхъ, ни трофеевъ. Французы потеряли до 1,500 взятыхъ въ плѣнъ, одинъ штабдартъ, тридцать восемь орудій, сорокъ зарядныхъ ящиковъ и множество повозокъ. (*Богдановичъ, „Исторія отечественной войны 1812 года“.*)